

Живыя неудачи и мертворожденные схемы.

МЫСЛЬ И СЛОВО. Философскій ежегодникъ подъ редакціей Г. Шпета. II, 1. Москва, 1918—1920.

Въ появившемся второмъ томѣ почтеннаго періодическаго изданія пріятно поразкасть богатая разногласица философскихъ теченій. Надо отдать справедливость Шпету-редактору: онъ оказался куда шире и терпимѣе Шпета-сотрудника и въ своемъ сборникѣ далъ прекрасный примѣръ мирнаго сожителства многихъ философскихъ «истинъ», начиная съ философіи покойнаго профессора М. Каршикаго въ передачѣ Д. Миртова и кончая адогматическимъ Шестовымъ. Шпетъ-редакторъ, видимо, чувствуетъ, что далеко еще то время, когда воздвигнется стройное зданіе философіи какъ «точной науки», пока же надо собирать медь познанія повсюду, гдѣ его находишь. И не думаю, чтобы Шпетъ себя при этомъ обольщалъ обычной иллюзіей, будто отъ столкновенія разнообразныхъ мнѣній рождается истина. Сколько ни скрещивались философскія плаги въ теченіе вѣковъ, сколько блестящихъ искръ ни сыпалось, а неугасимое пламя «вѣчной истины» не закигалось и по прежнему мы присутствуемъ въ области философіи при зрѣлищѣ войны всѣхъ противъ всѣхъ. Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ «нмманентнымъ» зломъ, присущимъ специально философіи и невыгодно ее отличать отъ точныхъ наукъ? Должны ли мы впасть въ противоположную крайность: объявить всякое философствованіе дѣломъ безнадѣжнымъ и бесплоднымъ, а затѣмъ, смотря по вкусу, либо вооружиться той безстрастностью и нечувствительностью къ самымъ важнымъ вещамъ, которую проповѣдывали древніе скептики, либо принигнуть на себя боль новыхъ исканій?

Для Шпета-сотрудника эти сомнѣнія разрѣшены давно. Кто не обрѣлъ талисмана «единной истины», кто не воздвигъ стройной системы философіи, тому спасенія нѣтъ: онъ безошадно осужденъ и долженъ быть зачисленъ въ разрядъ скептиковъ! Исторія философіи послѣднихъ, правда, не отвергаетъ: она видитъ въ нихъ опасный соблазнъ, съ которымъ надо бороться всевозможными средствами тѣмъ болѣе, что этотъ «порокъ» облеченъ обыкновенно въ блестящія литературныя одежды. Одни логическія средства борьбы, ведущія свое происхожденіе еще со времени Аристотеля, ужь не помогаютъ, да и какъ бороться этимъ испытаннымъ оружіемъ съ людьми, которые воздержаніе отъ всякаго сужденія считаютъ первой обязанностью философа, заслуживающаго это имя! Надо перейти въ станъ враговъ и постараться расшифровать ихъ душевное содержаніе, выслѣдить ихъ настроенія, вылившіяся въ такія уродливыя съ точки зрѣнія нормальнаго мысленія формы.

Этой неблагоприятной задачь посвящаетъ свою большую статью «Скептикъ и его душа» Шпетъ, при чемъ, какъ и полагается строгому логисту, онъ находитъ у вѣхъ скептиковъ одну «общую» душу, всю сотканную изъ настроеній неудачника, отчаявшагося когда бы то ни было найти истину. На этой губительной почвѣ «внутренней задѣтости» и вырастаютъ ядовитые цвѣты безнадежнаго сомнѣнія, возводимаго въ систему. «Общая» душа скептиковъ, конечно, выводится Шпетомъ за скобки, какъ нѣчто ясное, опредѣленное, а въ скобкахъ остаются и древніе скептики, въ значительной степени возросшіе въ атмосферѣ эристическихъ и діалектическихъ упражненій древнихъ софистовъ, и Монтэнъ съ его борьбой противъ фальсификаторской дѣятельности нашего разума, и даже... Ницше съ его болшою неустанныхъ философскихъ неканій!

«Если я не больше, чѣмъ законъ, то я самый отверженный изъ вѣхъ». Да, Ницше убилъ не только логическія категоріи мышленія, онъ убилъ законъ и страстно зоветъ безумь съ его мракомъ и неожиданными осіяніями. Это страшно? Но кто знаетъ исторію философскихъ странствованій Ницше, помнить, что и ему не была чужда горькая отрада самообольщенія «единой» истиной, хотя бы «истиной» вѣчнаго возвращенія. Эту «истину», которую онъ ко времени написанія «*Gründliche Wissenschaft*» воспринимаетъ какъ величайшее бремя, — сверлящей мысли, что вѣчные песочные часы бытія снова и снова повертываются, онъ старается прсодолѣть въ утверждающемъ жизнь сверхчеловѣкѣ, въ волѣ къ власти. Конечно, это не холодное, безстрастное познаніе «вѣчной» истины человѣкомъ системы: здѣсь познаніе какъ сфинксъ вѣзывается когтями въ душу человѣка. Такихъ «удачъ» было не мало въ жизни Ницше и, если онъ въ концѣ концовъ отъ нихъ бѣжалъ — какъ въ свое время отъ «*Realism'a*» — словно отъ чумы, то вина не въ удѣльномъ вѣсѣ этихъ «удачъ»: пожалуй, на иной взглядъ онъ перевѣсятъ даже самые многотомные труды логическихъ и феноменологическихъ изслѣдованій. Дѣло то все въ томъ, что настоящая философія не хочетъ во что бы то ни стало «удачъ», она не хочетъ паренія въ высяхъ философскихъ «системъ», — она хочетъ з н а н і я, и самые значительные, хотя и самые страшные для нея — это тѣ моменты, когда новое з н а н і е какъ змѣя вползаетъ въ ротъ. Въ ужасѣ Заратустра-Ницше можетъ откусить этой змѣѣ голову и преодолѣть хаосъ нечеловѣческихъ мучительныхъ переживаній во имя какой-нибудь идеи, хотя бы идеи вѣчнаго возвращенія, но не разразись надъ Ницше ужасная катастрофа, онъ бы вырвалъ съ корнемъ изъ своей души плесель нового познанія «вѣчнаго начала» и перебрался бы по ту сторону прекрасныхъ идей и словъ, приходящихъ въ голову на высотѣ 1800 метровъ надъ уровнемъ моря.

по ту сторону красоты и безобразия, какъ онъ перебрался по ту сторону добра и зла, по ту сторону лжи и истины.

Мы должны отрѣшиться отъ условной «значимости» всякой логики и имѣть «побольше глазъ, различныхъ глазъ для одной и той же вещи.» (Ницше). И пагубнѣе всего въ философіи требованіе прочной общеобязательной устанавки. Не въ этой ли предвзятости — въ постулируемой необходимости точныхъ, общеобязательныхъ теоретико-познавательныхъ предпосылокъ — коренится главная причина неудачъ — или удачъ, съ точки зрѣнія Шпета, — постигавшихъ философскія исканія до сихъ поръ? Не должны ли философы проникнуться примѣромъ великихъ художниковъ, которымъ свобода отъ «обычныхъ началъ» обеспечиваетъ и величайшія прозрѣнія, и неизречимыя постиженія?

Этакъ безсистемнымъ философамъ посвящена въ Ежегодникѣ статья М. Гершензона «Видѣніе поэта».

Разрозненныя мысли; тонко подмѣченные у оторвавшихся отъ «общаго центра» провидицель отдѣльными черточками, но написанныя на общую нитку теорій «вчувствовація» или какой-нибудь другой эстетической доктрины... Кто какъ М. Гершензонъ умѣетъ съ такимъ чутьемъ передавать аромат и настроенія цѣлыхъ литературныхъ эпохъ — онъ это доказалъ хотя бы «Грибоѣдовской Москвой» — тотъ можетъ свободно отказаться отъ всякихъ «выводовъ» и предоставлять другимъ хоронить художниковъ по тому или иному разряду въ ученыхъ эстетическихъ трактатахъ.

Статья Д. Миртова о М. Каринскомъ представляетъ добросовѣстно и умѣло сдѣланное изложеніе того, я бы сказалъ, безнадежнаго дѣла, которому посвятилъ всю свою жизнь покойный профессоръ. Это то постылое дѣло, которое составляло драму жизни В. Джемса, когда онъ, по собственному признанію, исполывалъ листы за листами логическими разсужденіями, пока знакомство съ философией Бергсона не сдѣлало его смѣлымъ. И онъ задумался надъ вопросомъ, да настоящее ли онъ философское дѣло дѣлаетъ этой своей сизифовой работой, не лучше ли бросить всё доказательства и силлогизмы, не лучше ли заглянуть жизни прямо въ глаза и постараться въ ней увидѣть не нѣчто общее, которое можно вывести за скобки, а нѣчто неповторяющееся, просматриваемое за обобщающими категоріями мышленія?

Если всю свою жизнь почти посвятить классификаціи выводовъ, какъ то сдѣлалъ проф. М. Каринскій, и въ результатѣ придти къ одной тощей самоочевидной истинѣ — закону противорѣчія, то есть, дѣйствительно, отъ чего въ отчаянье придти!.. Вотъ когда открыто можно назвать свою философскую дѣятельность, если

хватить на то мужества, неудачей, самообольщеніемъ настоящаго дѣлалія.

Стройными, во всёхъ деталяхъ выведенными системами философскіе пути буквально запружены, и трудную, но неблагодарную задачу беретъ на себя тотъ, кто хочетъ, какъ Шестовъ, расчищать дорогу отъ загромождающихъ ее мертвыхъ догмъ. Этотъ философъ, который не хочетъ принести въ жертву хаосъ человѣческихъ и нечеловѣческихъ переживаній космосу прекрасныхъ идей, въ своей статьѣ-афоризмѣ «Сократъ и бл. Августинъ» показываетъ уже не въ первый, да вѣроятно и не въ послѣдній разъ, какъ безуміе вѣры было преодолено диалектически и получило характеръ общественно признашнаго и «полезнаго» безумія. Теология стала, вопреки ходячимъ словамъ Петра Даміани, прислужницей сократовскаго метода и вновь «свѣтъ благодати» померкъ предъ «свѣтомъ разума». Объ основной «нелѣпости», на которой было выведено все стройное зданіе научнаго обоснованія вѣры, постарались забыть, и мгновенное озареніе, истина-откровеніе превратилась въ общепользую истину — «значимую», въ терминологіи Husserl'я, религію — такъ же, какъ индивидуальныя переживанія превращаются въ очевидность-переживаніе общей въ мірѣ предсуществовающей истины въ рукахъ всякаго мыслителя, который изъ философіи хочетъ сдѣлать строгую науку. И на небѣ, и на землѣ устраниается дѣйствительный производъ свободнаго религіознаго творчества. Человѣкъ системы больше довѣряетъ мертвому «единому» началу, будь то сократовское добро или желѣзная необходимость, чѣмъ творческому «да будетъ».

Любопытна въ этомъ отношеніи найденная въ посмертныхъ бумагахъ Вл. Соловьева статья, посвященная критикѣ основныхъ положеній диссертациі Л. М. Лопатина о свободѣ воли. «Грѣховная» множественность творческаго человѣческаго своеволия не признается имъ и подчиняется предопредѣленной свыше необходимости. Но разъ Богъ отождествляется съ добромъ, то возникаетъ вполнѣ естественная необходимость для спасенія логической стройности теодидеи объяснить зло идеей свободнаго отпаденія грѣховнаго челоуѣка отъ единой совершенной субстанціи, Бога-Добра: вырвавшаяся на свободу множественность — грѣховное своеволие искупается только слияніемъ съ совершеннымъ Началомъ. Мѣлкость лопатинскихъ динамическихъ субстанцій бросается въ рѣку времени, Гераклитовъ потокъ:

И съ каждымъ годомъ, подбавляя ходу,
Рѣка время несетъ все быстрѣй
И, чуя издали и море, и свободу,
Я говорю спокойно: папга рэй!

Но мнѣ грозитъ Леновъ неустрашимый
 Субстанцій динамическихъ мѣшокъ
 Свезти къ рѣкѣ и массою незримой
 Вдругъ занрудить весь Гераклитовъ токъ.

Леновъ, Леновъ! Оставь свою затѣю,
 И не шути съ водою и съ огнемъ...
 Субстанцій вѣтъ! Прогналъ ихъ Гегель въ шею,
 Но и безъ нихъ мы славно заживемъ.

(Изъ шуточнаго стихотворенія Вл. Соловьева въ письмѣ къ Л. М. Лопатину.)

Временное, переходящее, свосвольное, грѣховное, разрѣшавшееся въ раннихъ произведеніяхъ Вл. Соловьева въ понятіи второго абсолютиаго, теперь преодолевается въ упостаеяхъ или «подставкахъ» къ Божеству, а вѣчное, непреходящее — во вседній, безусловно самостоятельной божественной субстанціи, Абсолютъ-Добрѣ. И нуженъ весь глубокой пагосъ подлинныхъ переживаній Вл. Соловьева, съ его душевными катастрофами и крушеніемъ утопій, чтобы отдѣлать его неумирающую тоску по небесной родицѣ отъ «вѣчной» идеальной сущности его системы философіи. Онъ горѣлъ непрерывно на огнѣ своихъ сомнѣній и проблема зла мучила его до послѣднихъ дней его жизни. Другіе философы счастливые его: они не предоставляютъ Небу слишкомъ много свободы на землѣ, гдѣ царить столь пріятный ихъ сердцу стройный космосъ и не позволяютъ мистическому туману застилать ясный горизонтъ ихъ логически завершенныхъ системъ.

Преодолѣть — и преодолѣть во имя какого-нибудь «единства», хотя бы въ видѣ какого-нибудь «значимаго», освобождающаго слова — хаосъ личныхъ переживаній, многообразіе жизни и смерти!.. да не здѣсь ли глядѣть на насъ своими слѣпыми бездушными глазами отчаявшійся неудачливый скептицизмъ?..

Нѣтъ, мы не отгаддимъ боли неканій «неудачника» Ницше за удачу иныхъ систематическихъ философскихъ трактатовъ; его «внутренняя задѣтость», по выраженію Шпета, намъ дороже самоудовлѣтворенности добравшихся до философскаго старта Смайлъ-совъ. Но, какъ говорить чеховскій герой, *de gustibus aut nihil, aut bene*.

Г. Ловцкій.

А. Г. Горнфельдъ. Пути Творчества. Статьи о художественномъ словѣ. Петербургъ, Изд. «Колосъ», 1922 г.

А. Г. Горнфельдъ всегда занималъ въ русской критикѣ особую позицію. По его собственному указанію, «Аполлонъ» охотно называлъ его реалистомъ, а общественники именovali его эстетомъ.